

УДК 904(571.53)

Русское старожильческое поселение Деревня Ёдарма (по результатам спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС)*

Д. Н. Лохов

Иркутский государственный университет

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

Е. А. Липнина

Иркутский государственный университет

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

С. П. Дударёк

Иркутский государственный университет

Аннотация. Изложены результаты спасательных работ (2009–2012 гг.) в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на объектах археологического наследия Деревня Ёдарма и Усть-Ёдарма II, содержащие остатки материальной культуры периода русского освоения региона. В процессе работ вскрыты остатки 37 деревянных конструкций разного хозяйственно-бытового назначения XVIII–XX вв. и обнаружено большое количество сопроводительного археологического материала данного времени. Первые русские землепроходцы появились на территории Нижнего Приангарья в начале XVII в. Здесь на протяжении всего периода освоения региона сформировался своеобразный тип жилого комплекса, в основу которого легли традиции строительства Русского Севера.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, культура русских, старожильческое поселение, архитектура, деревянное зодчество, материальная культура, хозяйственная постройка.

Введение

Огромные природные ресурсы Нижнего Приангарья ставят его в один ряд с перспективнейшими районами промышленного освоения Сибири. В настоящее время закончилось строительство четвертой гидроэлектростанции в каскаде ГЭС на р. Ангаре – Богучанской, которая даст толчок к реализации проектов в сфере развития инфраструктуры и электроэнергетики региона. В то же время район исключительно интересен в археологическом, этнографическом, историческом и архитектурном аспектах. Здесь в XVII в. осела значительная часть русских первопоселенцев, продвигавшихся в Восточную Сибирь и основавших поселения, в большинстве своем существовавшие до недавнего прошлого и

* Работа выполнена в рамках плана НИР ИАЭТ СО РАН, проект X.104.1.1.

уничтоженные в процессе затопления водохранилища. В числе этих поселений – древнейшие очаги русского освоения Нижнего Приангарья.

С 2008 г., в связи с подготовкой запуска Богучанской ГЭС, на участке протяженностью свыше 300 км в границах Красноярского края и Иркутской области были развернуты крупномасштабные спасательные археологические работы по сохранению объектов, попадающих в зону затопления строящейся гидроэлектростанции. За пять лет раскопок археологические фонды Нижнего Приангарья были значительно пополнены наборами вещественных свидетельств о деятельности человека в рамках древних культур позднего плейстоцена-голоцена [Лохов, Роговской, Дударёк, 2013].

За время работ Богучанской археологической экспедиции на территории Нижнего Приангарья помимо материалов, связанных с древними поселениями раннего и позднего отделов голоцена, был исследован культурно-хронологический пласт, связанный со временем русского освоения региона. К таким объектам археологического наследия относятся деревни XVII–XX вв., находящиеся вблизи или на территории древних стоянок и поселений, – Ёдарма, Ката, Чернова, Кеуль, Берёзова, Мартынова, Тушама и др. В ходе работ получен интереснейший археологический материал, связанный как с бытом русской деревни, так и с ее устройством [Алтухов, 2012; Богучанская археологическая экспедиция ... , 2014; Исследование стоянки Усть-Тушама 1 ... , 2012; Когай, 2013; Липнина, Лохов, 2012; Липнина, Лохов, Когай, 2011; Новосельцева, 2013; Постнов, Выборнов, Яровой, 2012].

Формирование нижеангарского быта и типа жилого комплекса происходило на протяжении всего периода освоения края, и некоторые их черты связаны с архитектурными традициями самых первых насельников региона. Первоначальный облик поселений, жилых и хозяйственных построек русского населения Восточной Сибири может быть в некоторых деталях восстановлен по археологическим и архивным данным, сохранившимся переписным книгам Енисейска XVII – начала XVIII в. и другим документам [Колгушкин, 1983].

Особенности русского земледелия, жилища и хозяйства Приангарья на материалах южных и среднеангарских районов достаточно полно освещены исследователями. Что касается конкретных особенностей территории Нижнего Приангарья, то они затронуты в работах Л. М. Сабуровой [1967, 1971, 1974], Н. И. Лебедевой [1971], Г. С. Масловой [1971], отразивших в общих чертах быт, материальную и духовную культуру русского населения Нижней Ангары. Из историко-архитектурных работ, посвященных русскому деревянному зодчеству, следует выделить труды Г. К. Вагнера [1956], И. В. Маковецкого [1971], М. К. Одинцовой [1958], В. Д. Колгушкина [1983, 1986], О. Н. Вилкова и Д. Я. Резуна [1978]. Первые два источника основаны на материалах архитектурной разведки долины р. Ангары от Иркутска до Братска, но они существенно дополняют данные по освоению территории Нижнего Приангарья. Особо следует выделить монументальный труд В. Н. Шерстобоева [2001], посвященный истории развития илимской пашни и общим проблемам русского земледелия в регионе и содержащий редкие статистические и архивные данные. Охотничье-промысловая деятельность русских старожилов освещена в уже упомина-

нутых работах Л. М. Сабуровой, Н. И. Лебедевой, Г. С. Масловой, а также О. В. Бычкова [Бычков, 2003].

С 2009 по 2012 г. проводились планомерные раскопки на правом приустьевом участке р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару, где в глубине мыса расположены два археологических объекта – Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма (рис. 1). Отдельные участки территории местонахождений в границах контуров своих площадей перекрыты наземными современными и погребенными историческими архитектурными деревенскими постройками. Русское старожильческое поселение в устье р. Ёдармы непосредственно раскапывалось в 2011 и 2012 гг.

Рис. 1. Карта-схема правого приустьевого мыса р. Ёдармы с обозначением раскопных площадей 2009–2012 гг.

Историко-географическая справка

Река Ёдарма является левым притоком р. Ангары. На обоих ее приустьевых участках в глубине мысов, а также по правому берегу самой р. Ёдармы расположены объекты археологического наследия Усть-Ёдарма I (левый мыс), Усть-Ёдарма II, Деревня Ёдарма (правый мыс), Усть-Ёдарма III, Ёдарма I, II (правый берег), которые вместе образуют ансамбль местонахождений на Ёдарминской геоархеологической площади.

Деревня Ёдарма расположена на территории Усть-Илимского района Иркутской области на границе с Красноярским краем, в 88 км к северу от Усть-Илимска. Деревня вытянута вдоль по ангарскому берегу от острия мыса на расстоянии более 500 м. По правому берегу р. Ёдармы от оконечности мыса современные строения отдельными домами уходят вверх на 300 м. Деревня динамично развивалась около 300 лет. Таким образом, здесь сформировался ископаемый деревенский слой, изучение которого дало основание выделить самостоятельный объект археологического наследия Деревня Ёдарма.

Первые упоминания о д. Ёдарме (Ёдорма, Ёдорминская) по летописным данным относятся к 1723 г. [Шерстобоев, 2001, с. 88], когда проводилась перепись мужского населения края. Деревня входила в состав Нижне-Илимской ясачной волости Илимского воеводства с центром в Нижне-Илимской Тушамской слободе. Как отмечает В. Н. Шерстобоев, в составе волости находилось «49 деревень, расположенных по нижнему течению р. Илим и по р. Ангаре. Всех дворов в волости в 1723 г. было 143, из них 117 дворов пашенных крестьян» [Там же, с. 66]. Деревня Ёдарма, согласно этому списку, по количеству дворов относилась к однодворным деревням, которые составляли в то время «1/3 всех поселений Илимского воеводства, представляя самую многочисленную группу» [Там же, с. 40].

По названию В. Н. Шерстобоев относил ее к деревням, носящим чисто местные туземные названия – «...Ёдорма, в которых и корень слова и окончание принадлежат языку нерусских народов, чаще всего тунгусов» [Там же, с. 82].

Вероятно, 1959 г. стоит считать годом, когда к д. Ёдарме впервые проявили внимание как к самостоятельному объекту исследований. В 1957 г. в состав Ангарской археологической экспедиции, проводившей изыскания в зоне затопления строящейся Братской ГЭС, были включены этнографы и искусствоведы Института этнографии и Института истории искусств АН СССР, которые занялись изучением русского населения Сибири. В 1959–1960 гг. экспедиция охватила своими исследованиями и рекогносцировочными выездами Братский, Балаганский, Боханский, Нижнеилимский и Усть-Удинский районы Иркутской области, Богучанский, Кежемский, Удере́йский районы Красноярского края [Быт и искусство ... , 1971, с. 4]. В 1959 г. маршрутом был охвачен участок нижнего течения р. Илим от п. Нижнеилимска до д. Туба и участок нижнего течения р. Ангары от д. Воробьева в Иркутской области до д. Рыбное в Красноярском крае. Можно предположить, что членами экспедиции посещались все деревни, встреченные по ходу маршрута.

В монографии А. Я. Ковалева «Ангарский каскад», посвященной строительству ГЭС на Ангаре, опубликована карта реки с указанием маршрутов экспедиций по изучению народного творчества в 1966, 1968, 1970 и 1972 гг. [Ковалев, 1975, с. 258]. Здесь д. Ёдарма отмечена как один из центров, который исследовался участниками экспедиций. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что поселение осматривалось в течение всех четырех полевых сезонов.

В 1972–1975 гг. в Среднем и Нижнем Приангарье работала историко-архитектурная Илимская экспедиция Института истории, филологии и филологии СО АН СССР, которая занималась изучением народного зодчества рус-

ских поселений, попадающих в зону затопления строящихся Усть-Илимской и Богучанской ГЭС [Колгушкин, 1983]. Доподлинно неизвестно, входила ли д. Ёдарма в исследовательские планы ученых. Однако в 1972 г. на правом приустьевом участке р. Ёдармы Богучанским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета под руководством Н. И. Дроздова было открыто археологическое местонахождение, получившее позднее наименование «Усть-Ёдарма II» [Лохов, 2012]. Не исключено, что визуальному осмотру также были подвергнуты и произведения деревянного зодчества. В 1975 г. А. В. Ополовников и Е. А. Ополовникова, вероятно в составе архитектурной экспедиции АН СССР, «обследовали ряд поселений Иркутской области, преимущественно в Приангарье, оставшаяся старина которого вновь оказалась под губительным прицелом – уже из-за строительства Богучанской ГЭС» [Ополовников, 2004, с. 24].

В 1977 г. участок р. Ангары от Усть-Илимска до Кодинской Заимки исследовала экспедиция Братского отделения Общества охраны памятников под руководством ответственного секретаря отделения О. М. Леонова с целью выявления и сохранения наиболее интересных памятников народного быта и зодчества. Ими были посещены такие поселения, как Тушама, Ёдарма, Усольцево, Аксёново, Фролово, Паново, Недокура, Проспихино, Кежма, Усть-Кова, Дворец, Рожково, Пашенная, а также ряд зимовий по рекам Тушаме и Ёдарме [Ангарская спираль ... , 1977; Чешкова, 1977].

В 1982 г. д. Ёдарму посетила специальная историко-этнографическая экспедиция Братского краеведческого музея, которая собрала богатую коллекцию хозяйственной утвари XVIII–XIX вв. [Новосельцева, 2012].

В 1985 и 1987 гг. на поселении работала этнографическая экспедиция Иркутского государственного объединенного музея, которая занималась сбором орудий промысла, снаряжения, одежды русских старожилов [Бычков, 2003]. В 1987 г. А. В. Ополовников и Е. А. Ополовникова произвели детальные замеры и фотосъемку усадьбы В. П. Зарубина, а также других деревянных построек деревни. Впоследствии, в 1991 г., усадьбу Зарубиных перевезли в историко-архитектурный музейный комплекс под открытым небом «Тальцы» [Ополовников, 2004].

В 1998 г. в рамках межведомственной программы по выявлению, картированию и мониторингу археологических объектов на территории Иркутской области проводились рекогносцировочные работы в устье р. Ёдармы. Тогда поселение русских старожилов д. Ёдарма и было выявлено как объект археологического наследия. Исследователи подготовили докладную записку в Областную археологическую службу по сохранению историко-культурного наследия о постановке его на учет.

В 2007 г., в связи с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, было проведено координирование границ группы местонахождений в устье р. Ёдармы. Это было сделано в рамках программы по выполнению мероприятий по инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в границах заполнения ложа Богучанской ГЭС на территории Иркутской области. Границы поселения выделили визуально, по проявлению внешних при-

знаков ранее существовавших построек с учетом геоморфологических особенностей местности. В 2008 г. проводились работы по уточнению границ объекта.

В 2009 г., во время первого полевого сезона спасательных работ на объектах Усть-Ёдарма I–III, на территории поселения были заложены рекогносцировочные выработки, подтвердившие наличие деревенского археологического слоя, погребенных деревянных конструкций. Были отобраны образцы древесины на датирование его низов.

В 2010 г. вещественные остатки жизнедеятельности деревенского населения фиксировались в качестве «нулевого» (деревенского) уровня в раскопе № 1 многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II на площади 1500 м² [Результаты спасательных работ ... , 2010; Lokhov, 2010]. Параллельно с археологами работал иркутский студенческий реставрационный отряд кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИрГТУ с целью выявления объектов народного творчества, фиксации (архитектурные обмеры, фотографирование), их спасения посредством переноса из зоны затопления. По результатам обследования был разработан проект создания музея деревянного зодчества «Илимская деревня» (на базе переносимых объектов из зоны затопления Богучанской ГЭС) в Усть-Илимске, который, к сожалению, не получил своего развития [Чертилов, 2012; Белова, Меерович, Чертилов, 2012].

В 2011–2012 гг. раскопочные работы на территории объекта археологического наследия Деревня Ёдарма проводились четырьмя раскопами на площади 3385 м² (см. рис. 1) [Липнина, Лохов, Когай, 2011; Липнина, Лохов, 2012].

Анализ материалов, результаты и обсуждение

Территория объектов Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма вскрывалась в контурах границ перспективных раскопочных площадей А, В, D, Е по 400 пикетов каждая (10 000 м²). Закладка раскопов производилась: на площади А – раскоп № 1 (1868 м²), раскоп № 2 (1000 м²), раскоп № 3 (1000 м²); в 100 м на юго-запад, на территории площади В – раскоп № 1 (1385 м²). В контур границ вскрытия раскопа № 3 вошла пикетная линия раскопочной перспективной площади Е. Учитывая то, что в раскопах на площадях А (№ 1) и В (№ 1) «нулевой» уровень представлен остатками культуры периода существования деревни, то общая вскрытая площадь поселения составила 5253 м². По протяженности раскопы ориентированы вдоль левого берега р. Ангары. Все высотные измерения производились относительно генерального репера с абсолютной отметкой 192,59 м по Балтийской системе высот (см. рис. 1).

Исследуемая территория в XVIII–XX вв. на всей вскрытой площади постоянно и в разной степени разрушительности подвергалась техногенной переработке и представляет собой сплошной техногенный пласт выброса и наброса грунта. Глубина переработки лимитирована уровнем вечной мерзлоты плейстоцена или не потревоженными ранее голоценовыми отложениями. Поддерживаемый пласт на глубину 0,2–0,4 м насыщен отбросами современной деревни (вторая половина XX в.) – обломками механизмов, битой посудой, мелкими предметами быта и обломками домашней утвари. Нижележащий собственно культуросодержащий слой русской деревни от первой половины XX столетия и

старше представляет собой спрессованный гумусированный пласт мощностью от 0,1 до 0,5 м, преимущественно насыщенный деревянной щепой. Видимого разделения на отдельные горизонты слой не имеет. Местами в слой вечной мерзлоты из культуросодержащего горизонта заложены ямы на глубину до 0,5 м. Отложения XVIII–XIX вв. в свою очередь также нарушены во многих местах современными ямами и перекопами.

В большинстве случаев произвести внутреннюю детальную относительную хронологическую стратификацию толщ деревенских отложений довольно сложно, поскольку они со времени своего формирования постоянно подвергались интенсивной переработке в процессе динамичной хозяйственной деятельности современной деревни. В ходе раскопок зафиксированы многочисленные проявления пожаров на территории деревни, один из которых оставил самые мощные следы по всей площади раскопок. Возможно, деревенские постройки были уничтожены полностью, время самого пожара еще предстоит установить.

Таким образом, вся толща деревенских отложений рассматривается в совокупности, с условным выделением верхнего отдела, который связан с событиями XX в. и современностью.

Выделенные в раскопах техногенные седименты являются совокупной толщиной отложений русской старожильческой деревни и условно подразделены на отдельных участках на несколько подгоризонтов – горизонт строительный, горизонт обживания и т. д., в зависимости от целевого назначения и времени бытования каждого отдельного сооружения (постройки), которых выделено в пределах раскопов в количестве 37 единиц. Верхний отдел культурного горизонта представляет собой современный срез бытования деревни (дерн и поддерновый слой, середина – конец XX в.). Далее ситуация усложняется взаимным наложением разновременных построек, их перестройками и переделами. Ниже выделен так называемый грязевой горизонт, лишенный следов сооружений, но насыщенный индивидуальными находками – утраченными (потерянными) нателными крестиками, монетами, мелкими бытовыми предметами (иглы, кресала и др.).

Отдельно следует отметить ямы – бытовые, мусорные, погребов и подполья. Погребов располагались вне остатков жилых срубов и представляли собой укрепленные различными способами (сруб, простена, дощаник) разноразмерные прямоугольные ямы. Вариации их размеров зависели, возможно, от первоначально предполагаемого использования – для хранения рыбы, мяса и т. д. Подполья были устроены в пределах остатков жилых изб, по классическому сибирскому принципу – впаз у печи, у входа в избу. Часть сооружений, по видимому наиболее древняя, выполнялась установкой сруба в ряж, т. е. в яму ставился готовый сруб из 7–9 венцов. Стратиграфически такие конструкции уходили нижним венцом далеко в нижележащие раннеголоценовые и позднплейстоценовые отложения.

Деревянные конструкции. При зачистке «деревенского» слоя поселения в раскопе № 2 на перспективной площади А вскрыты остатки 20 деревянных конструкций (№ 1–20) разного хозяйственно-бытового назначения (рис. 2), в раскопе № 3 (площадь А, Е) – 15 построек (№ 21–35) (рис. 3), в раскопе № 1

(площадь В) – 2 постройки (№ 36, 37). Конструкции представлены как почти целыми срубами и постройками, так и единичными бревнами (рис. 4, 5). Основные способы рубки срубов строений – «в обло», «в охряпку», «в погон», «в столб» (рис. 6) [Федотов, 1985].

Рубка «в обло» (рис. 6, 1). Название «в обло» происходит от старинного слова «облый», т. е. «округлый, круглобокий». Именно такую форму имеют вырубаемые с краю бревен полукруглые выемки, так называемые чаши. Каждое последующее бревно укладывается в вырубленную для него чашу. В свою очередь, в нем вырубается чаша для следующего бревна. Чтобы бревна были прочно связаны в срубе, чашу вырубают на некотором расстоянии от торца. Выступающая с внешней стороны сруба часть бревна называется остатком. Благодаря остаткам длиной от 30 до 50 см бревна, как крючья, цепко соединяются друг с другом.

Рубка «в охряпку» (рис. 6, 2). Данная рубка отличается от рубки «в обло» формой выполняемых в бревне вырубков. Вырубки делаются с двух сторон каждого бревна и имеют прямоугольную форму. Соединение бревен «в охряпку» очень прочное, но малогерметичное. Поэтому его в основном применяют в тех случаях, когда строение рубится из тонких бревен. Иногда «в охряпку» соединяли для прочности бревна первого окладного венца или двух-трех нижних венцов. В лесных районах «в охряпку» рубили из тонких бревен только холодные хозяйственные помещения, за исключением амбаров, на которые шли толстые бревна.

Рубка «в погон» (рис. 6, 3). Если в распоряжении плотника было мало толстых бревен, то в дело шли тонкие, которые укладывали в сруб особым способом – «в погон». Толстые бревна соединяли друг с другом с помощью вырубленных чаш, но с таким расчетом, чтобы между ними оставался пробел, в который врезали тонкое бревно, затесанное с обеих сторон на клин.

Рубка «в столб» (рис. 6, 4). Данная техника рубки использовалась строителями в древнем Новгороде при возведении хозяйственных построек. В землю вкапывались четыре столба с вырубленными в них продольными пазами. На концах бревен вырезали шипы, которые плотно входили в эти пазы.

Все раскопанные архитектурные деревянные единицы можно разделить на наземные и подземные постройки. К наземным следует отнести все хозяйственно-бытовые строения, такие как амбары, стайки, хлева, а также жилые дома, бани, летники. К подземным относятся подвалы и подполья. Точное хозяйственное назначение можно определить только у подземных построек, в отличие от наземных, которые фиксировались лишь в виде нескольких нижних окладов. К холодным хозяйственным наземным постройкам отнесены конструкции № 6, 24 и 31 по своим размерам и характерному способу рубки. Конструкция № 26 – строение второй половины XX в. – являлась сараем-хлебом для содержания скота, о чем свидетельствует присутствие деревянного корыта в северо-западной части постройки. Конструкция – прямоугольной в плане формы размерами 4,2×7 м. Внутри в западной части сохранилось несколько досок от пола, под ними видна лага, на которую пол укладывался. Зафиксированы стоящие столбы-опоры постройки. Корыто изготовлено из досок, размеры – 1,8×0,35×0,4 м. Продольные доски стенок прибиты под углом, расширяясь кверху раструбом, поперечные боковины отсутствуют.

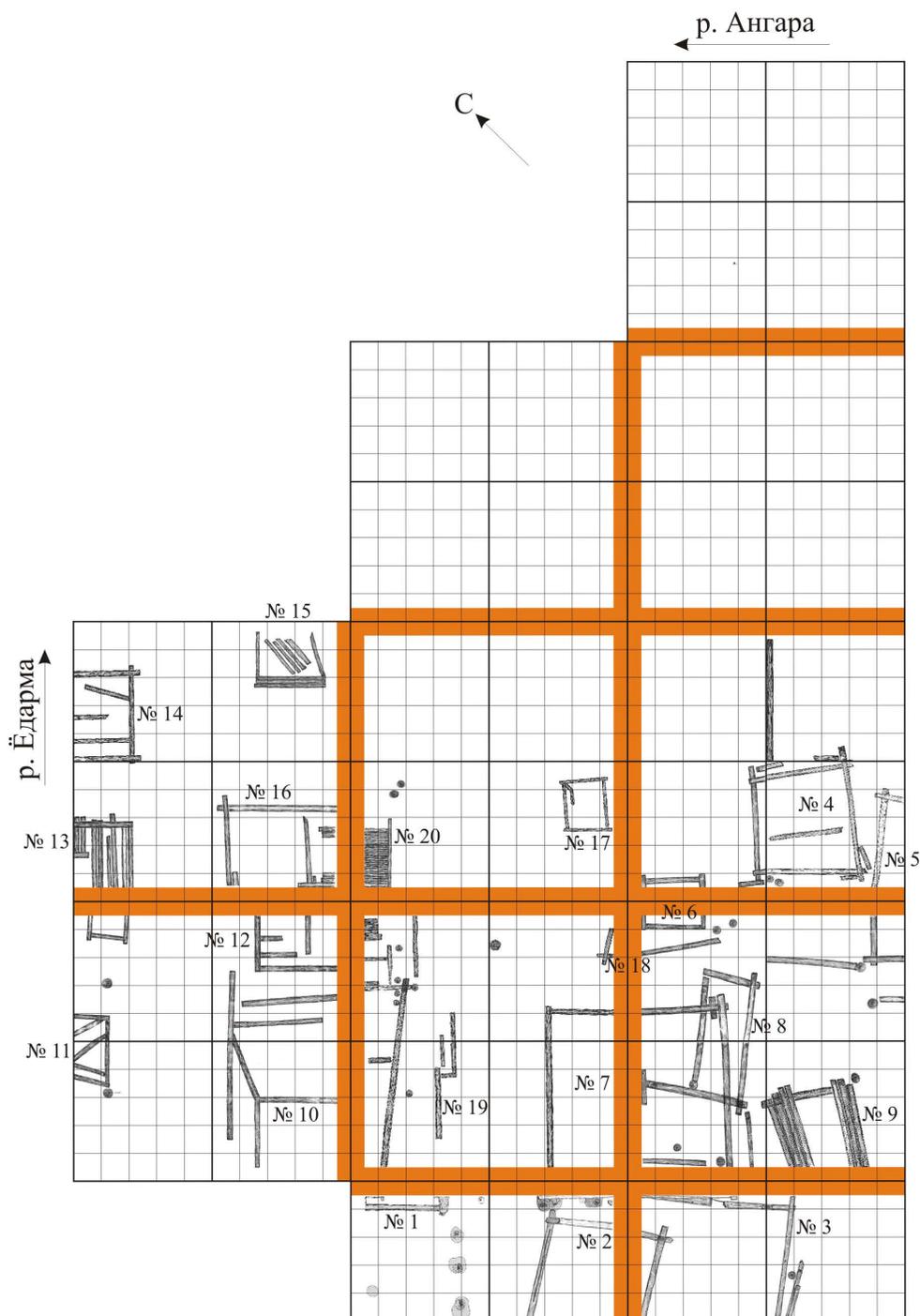

Рис. 2. Схема планиграфии деревянных конструкций в раскопе № 2 (раскопки 2011 г.)

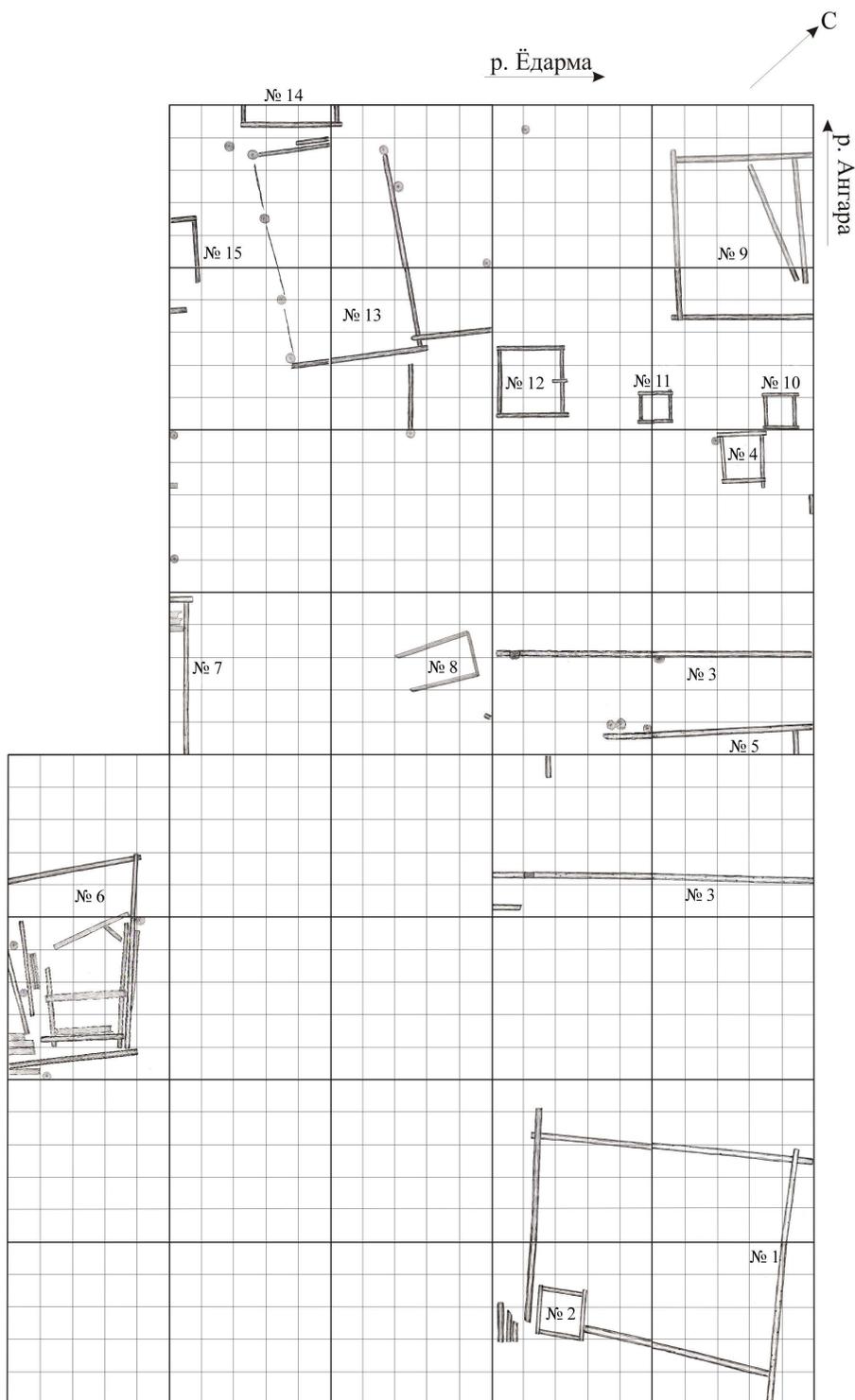

Рис. 3. Схема планиграфии деревянных конструкций в раскопе № 3 (раскопки 2012 г.)

Рис. 4. Общий вид на деревянные конструкции с северо-востока (раскоп № 2, пикеты 289, 290, 309, 310)

Все остальные наземные строения представлены либо единичными бревнами, либо срубам-четвериками*, назначение которых определить сложно (табл. 1).

К подземным конструкциям отнесены строения № 9, 11, 13, 14, 28 и 37. Строение № 9 представляет собой подполье жилой избы середины XX в. размерами 3,50×4,10 м и глубиной до 1,6 м. Опалубка подполья выполнена из досок, набитых на каркас из кругляка. Пол выстелен досками, верхнее перекрытие сохранилось практически полностью, обшито кусками рубероида. Опалубка подполья № 11 выполнена из лиственничного кругляка диаметром около 0,12–0,15 м. Внутри конструкции зафиксированы три бревна диаметром до 0,25 м, вероятно, упавшие внутрь с перекрытия. По стратиграфическим данным относится к середине – концу XIX в. Конструкция № 13 представляет собой погреб размерами 2,2×4,3 м. Читаются четкие границы ямы, в которой была выполнена опалубка лиственничным кругляком (7 венцов) диаметром 0,13–0,2 м, рубкой «в погон» с небольшими остатками до 0,1 м. Концы бревен стесаны и приострены. Строение перекрыто сверху массивными плахами с подтесанной внешней стороной, которые продавили восточную стенку постройки. Эти бревна могли являться остатками пола жилого помещения. Изнутри они обшиты берестой. Внутри сооружения зафиксирована лестница из бревна с набитыми поперечинами. Предварительная датировка – конец XVIII – начало XIX в.

* Четверик в архитектуре – четырехугольное в плане сооружение или часть сооружения.

1

2

3

4

5

6

Рис. 5. Виды деревянных конструкций:

1 – № 4, раскоп 2, пикеты 370, 390; 2 – № 9, раскоп 2, пикет 392; 3 – № 13, раскоп 2, пикет 290; 4 – № 14, раскоп 2, пикет 289; 5 – № 30, 31, раскоп 3, пикеты 327, 328; 6 – № 37, раскоп 1, пикеты 276, 277 (1–5 – площадь А, 6 – площадь В)

Конструкция № 14 расположена в 2 м на восток от конструкции № 13. Строение представляет собой квадратный сруб-четверик (видимых 6 венцов), рубленный «в обло» с остатками до 0,15 м. Концы бревен приострены с двух сторон. Диаметр бревен около 0,15 м. Читаются четкие границы ямы, в которой установлена конструкция. Внутри сооружения зафиксированы одиночные бревна диаметром до 0,2 м, выполнявшие роль половых лаг. Так же как и строение № 13, относится к концу XVIII – началу XIX в. У конструкции № 28, размерами 1,3×2,4 м, опалубка выполнена из вертикально поставленных досок. Пол и верхнее перекрытие не зафиксированы. Строение отнесено к середине

XX в. Размеры строения № 37 – 2×4 м. Опалубка подполья выполнена из лиственничного кругляка диаметром около 0,15 м, рубкой «в погон», исключая расхождение бревен при давлении земли на внешний периметр сруба. Также из лиственницы выполнена отгородка в отсек для зимнего хранения овощей. Спуск в подполье – лестница из сосны, врубленная в верхний венец опалубки. Пол погреба выстелен сосновой доской, верхнее перекрытие подполья отсутствует. Относится к середине XX в.

В формировании русского населения Нижнего Приангарья, протекавшего в течение длительного времени, как указывает ряд исследователей, преимущественная роль принадлежала уроженцам северных земель (Вологодской, Устюжской, Архангельской, Соликамской, Вятской, Пермской и др.) и центральных районов России (Москвы, Рязани, Калуги, Поволжья) [Вагнер, 1956; Ковалев, 1975; Колгушкин, 1983; Сабурова, 1971; Шерстобоев, 2001]. Но также участвовали выходцы из южных, западных, украинских губерний и местные народности (эвенки) [Сабурова, 1971]. Их культурные традиции отразились в различных сферах жизнедеятельности – в области сельского хозяйства, строительства, охоты, рыболовства, пищи, производства одежды и пр. В то же время в ходе развития культуры первопоселенцев возникали новые элементы, дополняющие их бытовую и хозяйственный уклад.

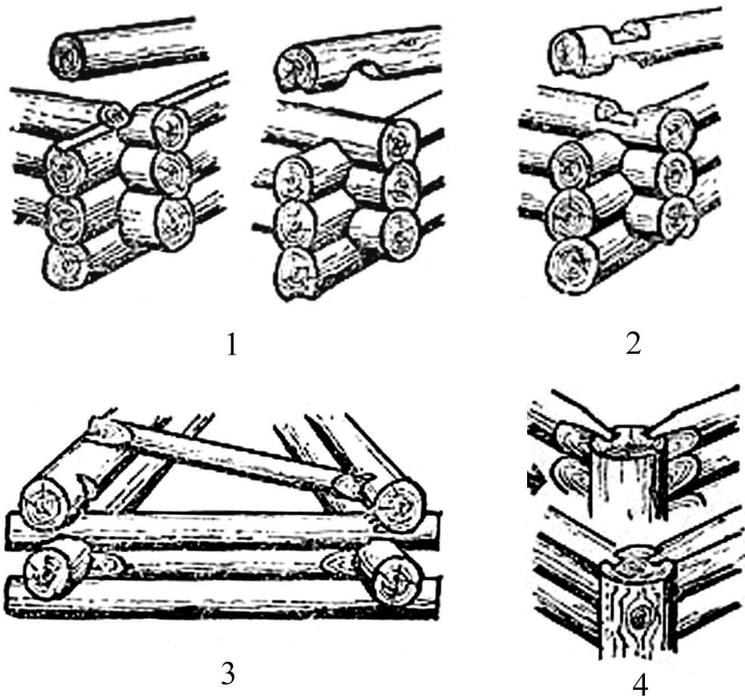

Рис. 6. Способы соединения бревен в срубе [Федотов, 1985, рис. 3]

Таблица 1

Деревянные наземные конструкции

№	Форма строения	Способ рубки	Диаметр бревен, м	Длина остатка, м	Размер строения, м	Датировка
1	–	в обло, в столб	0,30–0,35	0,30	3×0,70	конец XIX – начало XX в.
2	четверик	в обло	0,25–0,30	до 0,50	4×4,70	конец XIX в.
3	четверик	в обло, в столб	0,25–0,30	0,50	4,50×6,80	середина XIX в.
4	четверик	в обло	0,20–0,25	до 0,60	3,80×5, высота 0,80– 0,92	середина – конец XIX в.
5	четверик	в обло, в столб	0,30–0,35	0,60	1,50×6,20	середина – конец XIX в.
6	четверик	в охряпку	0,10–0,13	до 0,10	2×2,20, высо- та до 0,55	XVIII в.
7	четверик	в обло, в столб	0,30–0,32	до 0,70	7,60×8,20	начало – середина XX в.
8	четверик	в обло, в столб	0,20–0,22	до 0,50	2,10×6	начало – середина XIX в.
10	–	в обло, в столб	0,18–0,21	до 0,40	7×7,5	конец XIX в.
12	четверик	в обло	0,25	0,30	2×3	конец XIX в.
15	четверик	в обло	0,20	0,05–0,07	2×2,70	начало XIX в.
16	четверик	в обло	0,35	до 0,60	3,90×4,90	конец XIX в.
17	четверик	в обло	0,15	до 0,10	1,90×2	середина XVIII в.
18	–	в обло	0,25	0,20	1,80×4,30	XVIII в.
19	–	–	0,25	–	0,80×4,50	начало – середина XIX в.
20	четверик	в обло	0,10	0,10	2,60×2,90	конец XIX в.
21	четверик	в обло	0,30–0,35	0,30–0,35	8×9	середина – конец XIX в.
22	четверик	в охряпку	0,12–0,15	0,10	1,50×1,50	середина – конец XIX в.
23	четверик	в обло, в столб	0,35–0,40	0,30	8×9,80	конец XIX – начало XX в.
24	четверик	в обло	0,17–0,25	0,20–0,30	1,50×1,80	середина – конец XIX в.
25	–	–	0,25–0,27	–	–	конец XIX – начало XX в.
26	четверик	–	–	–	4,20×7	II половина XX в.
27	–	в обло	0,30	0,30	0,80×5,10	начало – середина XX в.
29	четверик	в обло	0,27–0,35	0,20	4,40×5,10	середина – конец XIX в.

Окончание табл. 1

№	Форма строения	Способ рубки	Диаметр бревен, м	Длина остатка, м	Размер строения, м	Датировка
30	четверик	в охряпку	0,10–0,13	0,10	1,20×1,20	середина – конец XIX в.
31	четверик	в охряпку	0,15–0,18	0,10	1×1	середина – конец XIX в.
32	четверик	в обло	0,25–0,30	0,10–0,12	2,10×2,10	середина – конец XIX в.
33	четверик	в обло, в столб	0,25–0,30	0,30	4,10×7	середина – конец XIX в.
34	–	в обло	0,30	0,30	0,60×3	середина – конец XIX в.
35	четверик	в обло	0,20	0,20	0,90×3	середина – конец XIX в.
36	четверик	в обло, в столб	0,30–0,35	0,30	3×12	середина XX в.

Первые русские появились в районе Нижней Ангары в самом начале XVII в. Ангарой в то время именовался участок реки от оз. Байкал до устья р. Илим, ниже она называлась Верхней Тунгуской. К тому времени, как отмечал А. П. Окладников, в долине Ангары «сплошным массивом расселены были многоязычные бурятские роды и племена... Рядом с ними расселены были в тайге тунгусы... Еще далее в тайге на западе, между Енисеем и Ангарой, простиралась страна таких же лесных пеших охотников, говоривших на том же языке, что и современные кеты – потомки древнего палеоазиатского населения Восточной Сибири» [Окладников, 1971, с. 27].

В XIX в. русские составляли уже главную часть населения долины Ангары в ее среднем и нижнем течении.

Освоение русскими территории Нижнего Приангарья имело свои особенности. Географическое положение, климатические условия, горно-таежный и пойменно-долинный характер местности, демографическая и социально-экономическая обстановка – все это нашло свое отражение в формировании и сохранении в районе старожильческого ядра русского населения с его оригинальной материальной и духовной культурой.

Большое количество деревень расположилось вдоль берегов Ангары и ее притоков – одни возникли у подножия скал и сопок, другие появились на многочисленных островах, третьи – на открытых равнинах берегов Ангары и Илима. Каждое такое селение при общности планировки имело свои специфические особенности, обусловленные, в первую очередь, местоположением. Общей чертой линейно-речной планировки была однорядная или двухрядная застройка улицы вдоль дороги или берега реки. Улица с односторонней застройкой имела большую протяженность, но была удобна тем, что скот пригоняли непосредственно во двор, минуя жилые помещения. Двусторонняя застройка более компактна.

В планировочной структуре д. Ёдармы (на современном этапе) прослеживаются оба вида застройки: односторонняя – с домами на Ангару, наиболее старая, и двухсторонняя, возникшая позже, где дома обращены лицом друг к другу. Изменение деревенской застройки, как правило, обусловлено не только характером рельефа местности, но и быстрым увеличением числа жителей в какой-то определенный период времени.

Первооснователи поселений изначально строили заимки, которые со временем разрастались в деревни и слободы. В XVII в. в Нижнем Приангарье преобладали одно- и двухдворные деревни, многодворные селения для этого времени были исключением [Вагнер, 1956; Колгушкин, 1983]. Только в XVIII в. наметилась тенденция к преобладанию последних.

Как уже отмечалось выше, по спискам 1723 г. д. Ёдарма относилась к однодворным поселениям. Однодворное селение представляло собой избу с надворными хозяйственными постройками, которые обносились со всех сторон изгородью (заплотом), – так создавался двор, позволявший поселенцу вести самообеспечивающее хозяйство.

Все постройки выполнялись исключительно из дерева, которого здесь было в избытке. Обычно заготовка леса происходила зимой или весной в апреле – мае, в свободное от сельскохозяйственных работ время. Его валили, шкурили и оставляли сохнуть, а по первому снегу доставляли в усадьбу. Судя по всему, строителями активно использовалась река для сплава леса. Бревна вылавливались, вытаскивались на берег, где проходили вышеописанную процедуру обработки. На это указывает отмеченный во время раскопок мощный прослой коры и деревянной щепы в слое поселения в прибрежной части.

В Нижнем Приангарье наиболее распространенным видом усадеб являются замкнутые с открытым двором, застроенные по всему периметру двора хозяйственными постройками различного назначения и жилыми помещениями на подклети*, характерной для северорусского народного зодчества. Еще одной характерной особенностью является использование техники рубки «в столб», привычной для строителей новгородской земли. Проявление этих традиций обусловлено тем, что первые насельники края были выходцами из северных поморских районов.

Усадьбы с открытым двором встречаются в основном в двух разновидностях – с одним и двумя открытыми дворами по обе стороны жилого помещения. Для исследуемой территории характерна усадьба с одним открытым двором, где главным сооружением является жилой дом, представленный чаще всего разновидностью клетской избы. Как правило, с одной стороны двора расположена изба, с противоположной – амбары и другие хозяйственные постройки. В таком типе усадьбы скотский двор (хозяйственный) находится позади «чистого» двора (ограды) и огораживается забором из жердей или тыном.

Хозяйственные постройки были неотъемлемой частью крестьянского двора. К ним относятся амбары, разнообразные по назначению и, соответственно,

* Подклеть – нижний этаж строения, где чаще всего размещались погребки.

по величине поварни, завозни, зимовья, сараи, стайки с поветью, бани, навесы. Размещение и состав хозяйственных построек зависели от типа усадьбы и ее хозяйственных функций. Особое внимание уделялось амбарам, в которых хранились зерно, инвентарь, домашняя утварь и одежда, т. е. наиболее ценное имущество поселенца. Зимовья, поварни, завозни представляли собой небольшие одноэтажные срубные постройки для хозяйственных нужд (в них хранили продукты, одежду, рыболовные и охотничьи снасти), летом они могли превращаться в жилые помещения и кухни. Сараи и навесы служили, как правило, для содержания тяглого скота и хранения сельскохозяйственного инвентаря.

Археологические материалы. Основным массовым материалом, собранным в результате археологических работ, являются фрагменты керамической посуды бытового назначения (6522 ед.). Не найдено ни одного целого сосуда или частей, собирающихся в относительно полные формы. Преимущественно это фрагменты кухонной и амбарно-подвальной посуды. Часть находок представлена мелкими фрагментами фарфоровой и фаянсовой посуды (162 ед.), а также несколькими фрагментами чугунной посуды (2 ед.), залежавшими преимущественно в верхнем отделе культуросодержащего слоя. К предметам кухонного назначения, помимо посуды, относится и фрагмент резной деревянной ложки. Кроме кованых гвоздей и пробоев, фрагментов металлических изделий (косы, серпы, крючья), крицы (более 300 ед.), основная часть остального материала представляет собой остатки материального комплекса охотничье-рыболовецкого хозяйства таежной береговой русской деревни. К нему относятся каменные и керамические грузила для сетей и их фрагменты (79 ед.), рыболовные крючья самоловов и их фрагменты (12 ед.), ножи (16 ед.), пищальные кремни (6 ед.), замки от кремневых пицалей (2 ед.), металлический наконечник, фрагмент костяного наконечника, фрагмент гарпуна из металла, проколка (шило?), топоры (2 ед.). Основными находками, датирующими культурный горизонт, можно считать монеты (6 ед.), наиболее древняя из которых имеет дату 1771 г., а самая поздняя – 1914 г. Обнаружено 3 православных креста-тельника, являющихся произведениями декоративно-прикладного искусства XVII–XVIII вв., представленных фрагментом серебряного и двумя целыми медными изделиями. В составе находок также имеются 4 костяных гребня, украшение (кольцо) и предмет конской сбруи (бляха). На всей вскрытой площади зафиксированы фаунистические находки (кости млекопитающих, птиц и рыб), а также значительное количество бересты, часть которой являлась, по-видимому, остатками посуды и листовыми заготовками, и практически целый берестяной туесок. Одежда представлена фрагментами кожаной обуви.

Керамика (рис. 7). Керамическая коллекция требует отдельной публикации, поэтому в настоящей статье приводятся только основные результаты анализа. Зафиксировано 6522 фрагмента керамических сосудов. По характеру обработки поверхности, качеству сырья и обжига, технике изготовления всю зафиксированную керамическую коллекцию можно разделить на несколько групп. Отметим, что практически вся глиняная посуда – гладкостенная, большая ее часть изготовлена с использованием гончарного круга. Встречены фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды.

Сильная фрагментация не позволяет сделать выводы о характере и назначении посудного набора деревенского хозяйства. Преобладают горшки и миски средних размеров. Можно выделить керамику мореную, чернолощеную и красноглиняную, вероятно, массового производства. В связи с этим можно выдвинуть версию использования в местных хозяйствах привозной посуды. Эта версия была озвучена рядом исследователей по материалам раскопок первых сибирских острогов [Овсянников, 1973; Добжанский, 1979]. Хотя не исключено, что здесь могло сформироваться свое, местное, качественное гончарное производство. Фаянсовая и фарфоровая посуда могла использоваться в хозяйствах деревни уже на раннем периоде ее бытования. К сожалению, крупные фрагменты отсутствуют, и сделать заключение о месте изготовления такой посуды не представляется возможным.

Рыболовные принадлежности. К ним следует отнести найденные в ходе работ крючья («уды») самоловов и грузила для сетей. Самоловы – кованые крючья из квадратного или круглого в сечении железного прутка для ловли крупных особей рыб (осетр, стерлядь) переметом. Отличительной особенностью всех самоловов является отсутствие «жагры» – заусенца на остром конце крюка, препятствующего сходу рыбы со снасти. Рыбалка с помощью подобных приспособлений является малоэффективной – много крупной рыбы сходит с крючков и впоследствии погибает от полученных увечий. Всего обнаружено 12 самоловных крючков. У целых крючков головка подвески плоская. Размеры: ширина головки – 0,5–0,8 см, толщина тела крючка – 0,3–0,6 см, длина – 9–10 см. У одного крючка сохранилась плетеная бечева (рис. 8, 1, 3, 4, 6).

Найдено значительное количество (79 ед.) керамических грузил («голков») и их фрагментов (рис. 9). Они представляют собой полый цилиндр, нанизывавшийся на «ставу» – плетенный из волокон крапивы или конопли шнур, привязывавшийся к подолу невысоких «ставных» речных сетей. Все они кустарного изготовления. По своей форме целые грузила (17 ед.) можно разделить на 4 группы: прямоугольные (4 ед.) (рис. 9, 3, 5), овальные (10 ед.) (рис. 9, 4, 7, 8), трапециевидные (2 ед.) (рис. 9, 6), биконические (1 ед.) (рис. 9, 2). Высота варьирует от 2,8 см до 5,7 см, внешний диаметр – 2,5–4,8 см, внутренний диаметр – 0,9–1,4 см, толщина стенок – 0,4–1,6 см (табл. 2). На некоторых грузилах есть прочерченные неглубокие желобки.

Кроме грузил керамических, найдено 2 составных грузила, представляющие собой обернутую в бересту гальку. Размеры галек – 8×4 и 5×7 см (рис. 8, 8, 9). Еще одно грузило изготовлено из массивной кварцевой гальки с оформленным точечной выбивкой в средней части желобком по всему периметру камня. Размеры изделия – 14,5×6×8,7 см, ширина желобка – 1,8–2 см (рис. 8, 7). Такие приспособления применялись для сплавных сетей и широко использовались в Сибири, тем более что для их изготовления не требовалось специальных навыков.

Формы и размеры керамических грузил

Длина, см	Диаметр внешний, см	Диаметр внутренний, см	Толщина стенок, см	Форма
3,0	3,2	1,2	1,0–1,1	прямоугольная
5,7	2,7	1,1×1,2	0,6–0,8	овальная
4,0	2,5×3,2	1,3	0,7–1,1	трапециевидная
3,6	3,6	1,2	1,1–1,4	прямоугольная
3,3	2,8	1,1×1,4	0,5–0,8	овальная
3,5	3,0	1,35	0,7–0,9	овальная
3,5	3,3	1,4	0,6	овальная
3,0	3,0	1,2	0,5	трапециевидная
2,8	2,8	1,0	0,4	овальная
2,8	3,2	0,9	0,5	овальная
3,0	3,1×3,3	1,2	0,8–1,1	прямоугольная
3,5	3,8×4,0	1,2×1,3	1,3–1,4	прямоугольная
2,9	2,9×3,0	1,1	0,9–1,0	овальная
2,9	4,15×4,3	1,4	1,3–1,6	овальная
3,1	4,8	1,2	1,7–2,0	биконическая
3,5	3,0	1,4	0,9–1,0	овальная
3,4	3,2	1,1×1,2	0,9–1,2	овальная

*Ножи**. Всего найдено 16 экземпляров (15 целых и обломки), которые по форме в профиль можно разделить на 2 группы – симметричные (15 ед.) и асимметричные (1 ед.). Хвостовики выделяются петельчатые (2 ед.), прямые симметричные (5 ед.), прямые асимметричные (4 ед.), симметричные прямые с загнутым концом (1 ед.), асимметричные прямые с загнутым концом (4 ед.). Клинки подразделяются на клинки с прямым обухом (10 ед.), с понижением линии обуха к острию (5 ед.), с повышением линии обуха к острию (1 ед.). У 15 изделий пятка клинка выражена двумя плечиками перехода к хвостовику (рис. 10, 2), у ножа с петельчатым хвостовиком переход обозначен одним плечиком (рис. 10, 1). Асимметричный нож имеет одностороннюю заточку лезвия. На хвостовике сохранились фрагменты всадной составной берестяной рукояти (табл. 3).

Замки пицалей и ружейные кремни. В процессе раскопок найдены два кремневых замка от шомпольных ружей, которые отличаются размерами (рис. 10, 3, 4). Оба относятся к типу русского замка с предохранителем курка. Один из них массивный, скорее всего для пицали большего калибра (табл. 4). Конструкция и принцип действия кремневого замка довольно простые. Курок с кольцевым навершием имел специальные «губки» (металлические пластинки), сжимающиеся и разжимающиеся при вращении винта. В этих «губках» закреплялся кусочек пирита или кремня, который под действием пластинчатой боевой пружины ударял по стальному огниву и высекал искры. Они воспламеняли порох на затравочной полке замка. Возникшее пламя через отверстие в боковой

* При описании элементов конструкции ножей используются номенклатурные обозначения, предложенные Г. И. Медведевым и Е. В. Меньшагиным [Медведев, Меньшагин, Меньшагин, 2009; Ходосевич, Меньшагин, 2011].

стенке ствола проникало внутрь и поджигало основной заряд. Классический вариант кремневого замка русского типа представлял собой механизм с двумя пластинчатыми пружинами. Пищали с такими замками изготавливались с начала XVII в. до 1820-х гг. в центральных районах Московского государства на частных оружейных заводах [Монетчиков, 2009]. После Отечественной войны 1812 г. оружейники стали выделывать дешевые охотничьи винтовки с кремневыми замками батарейного типа, снятыми с трофейного французского оружия [Бычков, 2003].

Таблица 3

Размеры ножей

Общая длина, см	Длина клинка, см	Голомень **, макс. часть, см	Ширина обушка, см	Длина хвостовика, см
15,5	6,0	2,2	0,3	9,5
19,5	13,2	2,0	0,2	6,3
23,9	16,5	2,8	0,3	7,4
25,0	12,1	3,8	0,3	12,9
22,2	13,5	2,8	0,5	8,7
25,1	18,8	2,8	0,6	6,3
13,2	9,1	2,8	0,4	4,1
24,0	14,5	3,2	0,5	9,5
21,0	14,0	3,0	0,6	7,0
20,5	12,0	3,0	0,5	8,5
21,5	12,5	2,0	0,4	9,0
27,0	16,5	2,2	0,5	10,5
21,2	16,8	3,2	0,5	4,4
27,6	18,2	3,0	0,4	9,4
24,4	17,7	3,0	0,7	6,7
18,2	14,1	2,0	0,4	4,1

Таблица 4

Размеры конструктивных элементов кремневых замков

Конструктивный элемент замка	1-й замок, размеры, см	2-й замок, размеры, см
Диаметр кольцевого навершия курка (внешний/внутренний)	3,1×3,7/2,6×2,9	2,4×2,6/1,9×2,0
«Губки» (длина×ширина, верхняя/нижняя)	5,9×2,3/4,9×1,7	5,4×1,9/5,2×2,0
Диаметр головки винта	1,3	1,2×1,3
Длина винта	4,6	4,5
Длина затравочной полки	3,7	6,4
Длина накладки на приклад, к которой крепился спусковой механизм	16,9	15,2

Найдено 4 экземпляра ружейных кремней, разных по форме, размерам и степени износа ударного ребра (табл. 5). Известно, что через Илимскую таможню из Руси в XVII–XVIII вв. ружейные кремни поставлялись в Сибирь ты-

** Голомень – плоские боковые поверхности полосы (полотна) клинка, объединяющие обушок, брюшко и лезвие в инструмент (оружие) [Ходосевич, Меньшагин, 2011, с. 192].

сячами – для гарнизонов и на казенную продажу. Однако многие владельцы огнестрельного оружия изготавливали кремни сами, используя кремневые желваки или археологический подъемный материал, преимущественно скребки, из-за их общего сходства по форме и размерам с ружейными кремнями.

Таблица 5

Размеры ружейных кремней

Длина, мм	Ширина, мм	Высота (толщина), мм	Использование
42	35	8	почти не использовался
27	10	6	сильно сбит по всем четырем ребрам
32	25	6	сбит слабо, по одному ребру
27	18	9	фрагмент, сильно сбит по рабочему ребру

Кремневые ружья («турка» или «кремлёвка», т. е. кремнёвка) активно использовались охотниками в северных областях Сибири со второй половины XIX в. вплоть до 1930-х гг. Как отмечала Н. И. Лебедева по материалам экспедиций на Нижнюю Ангару 1950-х гг., «основное орудие охотников – ружье отечественного производства. Еще не так давно бытовали кремневые ружья» [Лебедева, 1971, с. 87]. Л. Е. Сытин указывал, что «с точки зрения охотников-промысловиков кремневое оружие имело следующие преимущества: стрельба обходилась дешево, потому что ни капсюлей, ни патронов не нужно, необходимы лишь порох и свинец; на морозе заряжать удобнее, ... запальное отверстие кремневого замка гораздо легче и удобнее было чистить» [Сытин, 2012, с. 28].

Кресты. Фрагмент креста-тельника из серебра найден в раскопе № 1 площади А в пикете 305 (рис. 11, 5). По типологии, предложенной В. И. Молодиным для нательных крестов Илимского острога, его можно отнести к типу 4, подтипу 4 [Молодин, 2007, с. 57]. Сохранность изделия неудовлетворительная. Поверхность фрагмента покрыта окислами. В центре изделия на лицевой стороне выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. Центральная часть оборотной стороны оконтурена растительным орнаментом. На оконечностях лопастей выделены квадратные и подпрямоугольные зоны, в которых содержатся надписи. Размеры изделия – 3,5×0,1×2,6 см.

Второй крест – медный, зафиксирован в раскопе № 1 площади А в пикете 146 (рис. 11, 4). Согласно типологии В. И. Молодина относится к типу 1, подтипу 1 [Молодин, 2007, с. 41]. Сохранность изделия удовлетворительная. Концы и углы средокрестия прямые, ушко фигурное. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе, под ним схематично изображена Глава Адама. По сторонам от восьмиконечного креста расположены копье и трость с губкой. В верхней части креста, под ушком, в две строки расположены буквы: ЦС (Царь Славы) и ИХ (Иисус Христос). На оконечностях горизонтальных лопастей креста видна надпись в две строки: Г, А (Голгофа) и М, Л (Место Лобное). Обратная сторона креста по периметру также оконтурена рельефным валиком. Всю площадь оборотной стороны занимает надпись. Размеры – 3,5×0,15×1,8 см.

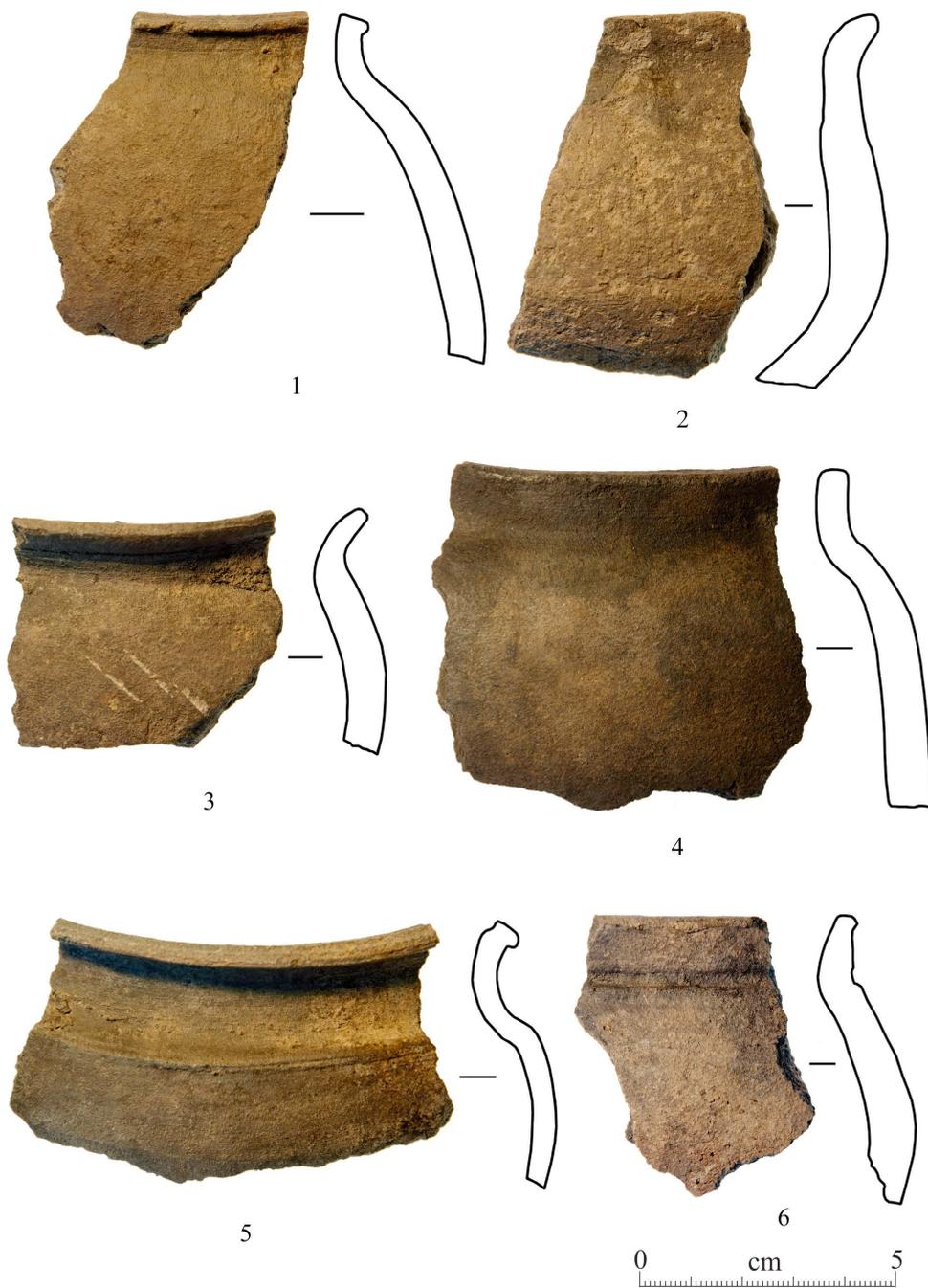

Рис. 7. Фрагменты венчиков керамических сосудов

Рис. 8. Рыболовные принадлежности:

1, 3, 4, 6 – крючки самоловов; 7 – каменное грузило; 8, 9 – составные грузила (камень, береста). Украшения: 2 – медное кольцо; 5 – бляха от конской сбруи

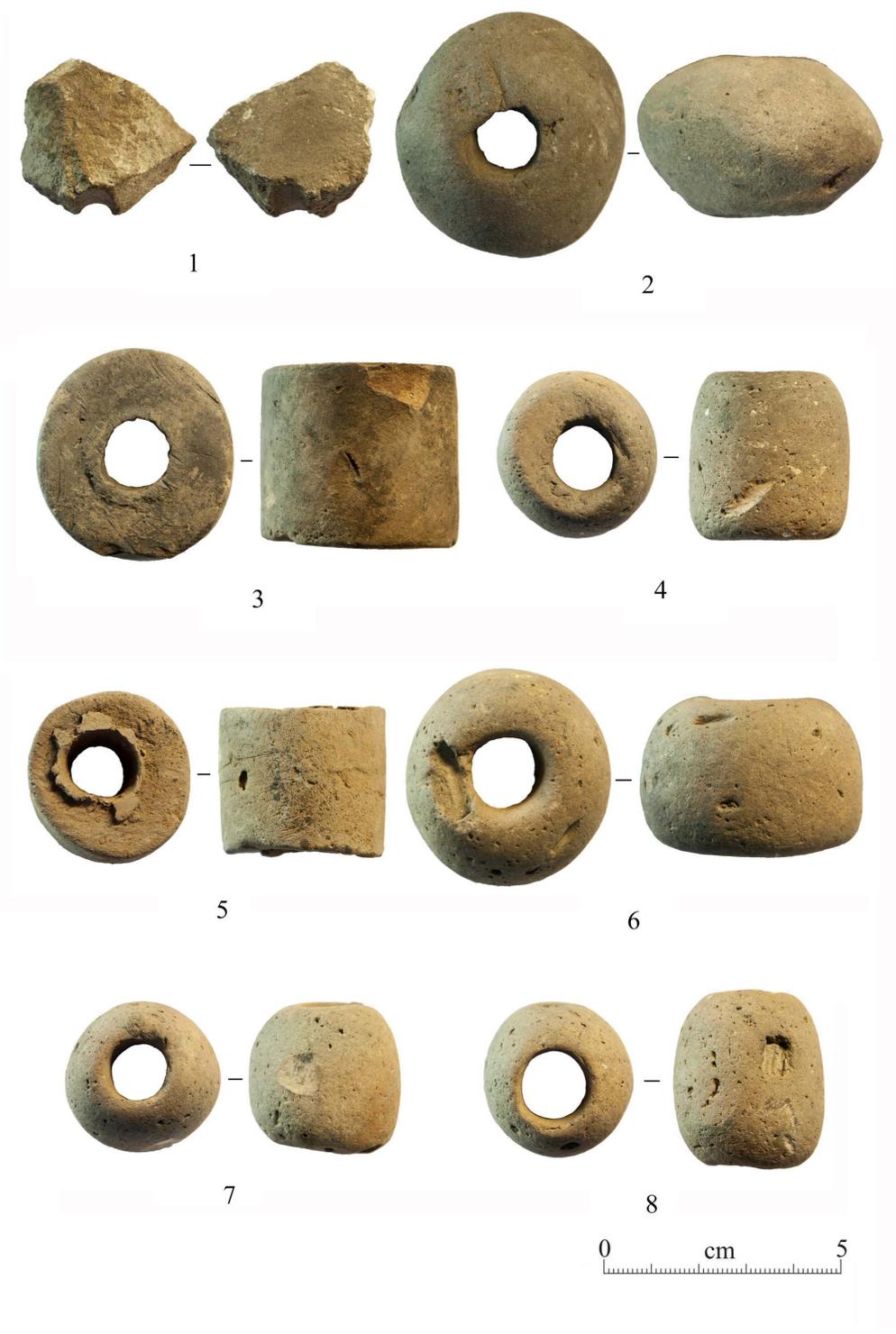

Рис. 9. Рыболовные принадлежности: керамические грузила («голки»)

Рис. 10. Металлические изделия:
1, 2 – ножи; 3, 4 – кремневые замки от шомпольных ружей

Третий медный крест обнаружен в раскопе № 2 площади А в пикете 328 (рис. 11, 2). По типологии В. И. Молодина относится к типу 1, подтипу 2 [Молодин, 2007, с. 46–47]. Сохранность изделия удовлетворительная. Углы средокрестия и концы – прямые. Лицевая сторона креста по периметру оконтурена

рельефным валиком. В центре выпуклым рельефом изображен восьмиконечный крест на Голгофе, под ним – схематично переданная Глава Адама. К кресту прислонены копьё и трость с губкой. В верхней части креста, под ушком, расположена надпись в два ряда: ЦРЬ (Царь) и СВЫ (Славы). На оконечностях горизонтальных лопастей – ИС (Иисус) и ХС (Христос). В нижней части креста, под Голгофой, – четыре буквы в два ряда: М, Л, Р, Б (Место Лобное Рай Бысть). Под большой перекладной восьмиконечного креста находится рельефная надпись: НИКА (Ника), К (Копьё), Т (Трость). Надписи и крест по всему периметру отделены от краевого рельефного валика кантом шириной в 1,5 мм, украшенным вертикальными фигурными рубчиками. На оборотной стороне изделия расположена надпись в 17 строк. Размеры – 5,55×0,2×0,9–1 см.

Одновременно с перемещением в Сибирь в конце XVI в. отрядов казаков, а затем землепроходцев, крестьян и служилых людей наблюдается широкое распространение на этой территории крестов-тельников. После присоединения Сибири к России происходит активная христианизация населения региона [Молодин, 2007, с. 14]. Наиболее распространенными были типовые медные крестики, которые получали при крещении. По народным поверьям, медь обеспечивала оградительную силу креста. В то же время серебряный крест в качестве оберега считался наиболее действенным. Однако не каждый мог позволить себе приобрести крест из этого металла ввиду его высокой цены. Таким образом, разнообразие нательных крестов может указывать и на социальный статус их владельцев.

Гребни. Найдено 4 костяных гребня для расчесывания волос (табл. 6; рис. 11, 1, 3, 6, 7). Один из них без зубцов и одной крайней лопасти (рис. 11, 1). В теле подготовлено коническое отверстие диаметром 0,5×0,25 см, вероятно, для ношения на шнуре. Гребни с двумя расческами – с частыми тонкими зубцами с одной стороны и с крупными редкими с другой. Под зубцами – композиции из трех прочерченных линий. У одного гребня один фас более выпуклый, присутствует скос к боковым граням (рис. 11, 7). Подобные изделия имели широкое бытование вплоть до настоящего времени и были непременным предметом домашнего обихода разных социальных групп населения Сибири.

Таблица 6

Размеры костяных гребней

Длина, см	Ширина, см	Толщина, см	Длина зубцов, см (мелкие×крупные)
5,4	6,6	0,3	1,3×1,2
4,1	5,8	0,4	0,6–0,8×0,9–1,0
5,8	4,3	0,3	частично обломаны
7,2	6,8	0,5	обломаны

Монеты. В коллекции находок присутствуют 6 экземпляров разного достоинства, степени сохранности и времени бытования (табл. 7).

Монеты

Материал	Номинал	Год чекана	Монетный двор	Сохранность
серебро, клеймо ВС	20 копеек	1914	СПб	отличная
медь	3 копейки	1863	ЕМ	удовлетворительная
медь, клеймо НМ	2 копейки	1811	ЕМ	хорошая
медь, клеймо АМ	2 копейки	1824	КМ	хорошая
медь	1/2 копейки серебром	1845	–	удовлетворительная
медь	денга	1771	–	неудовлетворительная

Прочие находки. Найден фрагмент костяного наконечника плоским насадом. В сечении представляет собой ромб, насад – овальный. Тело наконечника тщательно шлифовано. Общая длина – 14,1 см, толщина – 0,9 см, ширина – 1,3 см, ширина насада – 1 см (рис. 12, 1). Металлический наконечник треугольной формы с черешком. Наконечник кованый, оба фаса плоские. Тело подвержено сильной коррозии. Размеры – 6,7×0,3×1,5 см (рис. 12, 2). Фрагмент металлического гарпуна с одним пером на конце. Размеры изделия – 7,7×0,7×0,8 см (рис. 12, 3). Металлическое изделие удлиненно-треугольной формы, возможно проколка или шило размерами 10,4×0,25 см. Фрагмент абразива из мелкозернистого песчаника со следами истирания по всей поверхности. Размеры – 6,1×2,4×4,8 см.

Изделия из дерева представлены фрагментом резной ложки без ручки. На внешней поверхности черпака видны отчетливые следы режущего инструмента. Внутренняя часть несет следы выжигания. Размеры – 7,45×1,7×5,1 см (рис. 12, 4).

Обнаружены фрагменты кожаной обуви. Возможно, это ичиги – вид легкой обуви с мягким носком и твердым жестким задником. Ичиги юфтевые характерны для жителей Восточной Сибири. По краям видны четкие следы прошвы.

Также зафиксирован берестяной туесок без дна и крышки. Он изготовлен из нескольких слоев бересты, каждый слой соединялся фигурными треугольными вырезами. Предназначался для сыпучих продуктов. Высота туеска – 21 см, ширина – 17,4 см (рис. 11, 8).

К массовому материалу относятся найденные в большом количестве кованые гвозди и пробои (а также их фрагменты), широко использовавшиеся в Северном Приангарье до второй половины XX в.

К прочим индивидуальным находкам относятся медное кольцо плохой сохранности шириной 0,2 см и диаметром 2 см (рис. 11, 2) и бляха от конской уздечки широко распространенного в Сибири типа (рис. 11, 5). Диаметр бляхи – 3,6 см, толщина – 0,15 см.

На площади раскопа обнаружено огромное количество остатков млекопитающих, из которых почти 40 % составили определяемые кости. Среди них численно доминируют остатки КРС и зайца, а также свиньи, домашней лошади и северного оленя. Отмечены фрагменты костей млекопитающих со следами разнообразной обработки – резки, шлифования.

Рис. 11. Изделия из кости, металла, бересты:
 1, 3, 6, 7 – гребни для расчесывания волос; 2, 4, 5 – православные кресты;
 8 – туесок из бересты

Рис. 12. Изделия из кости, металла, дерева:

1, 2 – наконечники (кость, металл); 3 – фрагмент металлического гарпуна;
4 – фрагмент деревянной ложки

Заключение

С появлением русских землепроходцев в начале XVII в. на территории Нижнего Приангарья начинается новый этап в освоении и изучении огромных сибирских просторов. Первыми проникли в этот богатый, но сложный по природным условиям район промышленники и военно-служилые люди. Однако промысловый этап был довольно кратковременным. По «испромышлению» [Колгушкин, 1983, с. 45] соболя они стали продвигаться далее на восток, в Якутию и Прибайкалье. Со второй половины XVIII в. на Нижнюю Ангару начали переселяться крестьяне, пахавшие «государеву пашню» для прокормления служилых людей. Население пополнялось ссыльнокаторжными из разных губерний, преимущественно из северных областей и ранее заселенных районов Западной Сибири. Те в свою очередь, отбыв срок, переходили на вечное поселение.

Проникнув в Восточную Сибирь, русские ставили укрепленные опорные пункты – зимовья, остроги, крепости. Последние обрастали со временем посадами и превращались в экономические центры – города [Маковецкий, 1971]. В Нижнем Приангарье не было острогов, кроме Илимского, что связано с кратковременностью процесса утверждения на месте власти русского государства и преобладанием мирных методов колонизации. Таким образом, вслед за промысловым освоением сразу началось сельскохозяйственное, в ходе которого развернулось интенсивное строительство деревень и сел.

Как уже отмечалось, на протяжении всего периода освоения региона происходило формирование нижеангарского типа жилого комплекса. Расселяясь на огромной территории, «русские крестьяне создали множество локальных вариантов самого жилища, планировки двора, приемов архитектурных украшений построек» [Русакова, 1982, с. 132]. Наиболее распространенным является замкнутая усадьба с одним открытым двором, представляющая собой в плане прямоугольник, застроенный по всему периметру жилыми и хозяйственными постройками.

По результатам археологических работ 2009–2012 гг. на территории объектов Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма получена масса новой информации о периоде формирования русского старожильского населения Нижнего (Северного) Приангарья. Раскопами вскрыты остатки 37 деревянных конструкций разного хозяйственно-бытового назначения и большое количество сопроводительного археологического материала. К сожалению, утверждать, что были найдены остатки первых деревенских строений, нельзя. К наиболее древним постройкам исследователями отнесены конструкции № 6, 13, 14, 17 и 18 из раскопа № 1, датированные серединой – концом XVIII в. Большинство открытых строений датируются серединой – концом XIX в. (№ 2–5, 10–12, 16, 20–22, 24, 29–35). К этому времени относятся и образующие, по данным планиграфии, единый комплекс жилых и хозяйственных построек конструкции № 24, 29–35 из раскопа № 3. Конструкции № 10, 12, 16 и 20 из раскопа № 2 предложено также считать комплексом хозяйственных построек двора конца XIX в. Остальные зафиксированные архитектурные единицы (№ 1, 7, 9, 23, 25–28, 36, 37) относятся к XX в. и связаны с современным этапом существования деревни.

За 200 лет, прошедших после переписи 1723 г., деревня значительно увеличилась: «по клировым ведомостям 1913–1917 гг., в Ёдарме, именованной тогда деревней Ёдорминской, было 16 дворов со 114 жителями, с часовней во славу Николая Угодника, построенной в 1906 году. Перед опустошением деревни в связи с планируемым ее затоплением (1980-е гг. – *Прим. авт.*) в ней было 22 двора, больница, начальная школа...» [Ополовников, Ополовникова, 2004, с. 321].

Таким образом, в силу сложившихся географических, климатических и исторических условий в Нижнем Приангарье сформировались своеобразные традиции русского старожильского населения. До недавнего прошлого здесь был сконцентрирован богатейший материал для изучения истории сибирской народной архитектуры, ныне утраченный безвозвратно.

Список литературы

Алтухов В. В. Отчет о результатах спасательных работ отряда Берёзовый Богучанской археологической экспедиции на объектах археологического наследия «Поселение «Деревня Чернова», «Поселение «Деревня Берёзова» в Усть-Илимском районе Иркутской области в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС в 2012 году / В. В. Алтухов. – Новосибирск, 2012. – Т. 1. – 27 с.

Ангарская стираль // Вокруг света. – 1977. – № 8. – С. 1–2.

Белова М. Несостоявшийся музей деревянного зодчества «Илимская деревня» [Электронный ресурс] / М. Белова, М. Меерович, А. Чертилов // Проект Байкал. – 2012. – № 35. – URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/16986.html> (дата обращения 22.01.2015).

Богучанская археологическая экспедиция / А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, С. В. Колонцов, Г. И. Марковский, А. А. Присекайло, А. А. Дудко. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 105 с.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1971. – Ч. 1: Приангарье. – 232 с.

Бычков О. В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVII – XX веке / О. В. Бычков // Изв. архит. этногр. музея «Тальцы». – 2003. – Вып. 2. – 120 с.

Вагнер Г. К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье / Г. К. Вагнер // СЭ. – 1956. – № 3. – С. 52–68.

Вилков О. Н. Историко-архитектурные особенности Илимского края в XVII в. / О. Н. Вилков, Д. Я. Резун // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1978. – № 1, вып. 1. – С. 92–97.

Добжанский В. Н. Керамика Илимского острога / В. Н. Добжанский // Сибирь в древности. – Новосибирск : Наука, 1979. – С. 122–127.

Исследования стоянки Усть-Тушама-1 в 2012 году / Е. П. Рыбин, В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 473–477.

Ковалев А. Я. Ангарский каскад / А. Я. Ковалев. – М. : Стройиздат, 1975. – 323 с.

Когай С. А. Отчет о результатах спасательных археологических работ на ОАН Деревня Мартынова в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2012 году / С. А. Когай. – Новосибирск, 2013. – Т. 1. – 279 с.

Колгушкин В. Д. Развитие деревянного зодчества Нижнего Приангарья в процессе заселения и освоения района / В. Д. Колгушкин // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 44–57.

Колгушкин В. Д. Монументально-декоративное искусство народного зодчества Нижнего Приангарья / В. Д. Колгушкин // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 199–211.

Лебедева Н. И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX – начало XX в.) / Н. И. Лебедева // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1971. – Ч. 1 : Приангарье. – С. 78–95.

Липнина Е. А. Спасательные работы на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма в 2012 году / Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 448–452.

Липнина Е. А. Результаты спасательных работ на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2011

году / Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. А. Когай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 27. – С. 420–423.

Лохов Д. Н. Зооморфная скульптура из местонахождения Усть-Ёдарма II / Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2012. – № 1 (1). – С. 126–137.

Лохов Д. Н. Североангарский вариант керамики хайтинского типа / Д. Н. Лохов, Е. О. Роговской, С. П. Дударёк // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 116–132.

Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) / И. В. Маковецкий // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1971. – Ч. 1 : Приангарье. – С. 106–143.

Маслова Г. С. Русский народный костюм (XIX–XX вв.) / Г. С. Маслова // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1971. – Ч. 1 : Приангарье. – С. 144–190.

Медведев Г. И. Холодное клинковое оружие / Г. И. Медведев, Е. В. Меньшагин, А. Е. Меньшагин // Ежегодник Музея истории города Иркутска. 2008 год. – Иркутск : Отгиск, 2009. – С. 66–90.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога / В. И. Молодин. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Монетчиков С. Арсенал: зарождение пистолетов на Руси [Электронный ресурс] // Братишка. – 2009. – № 4. – URL: http://www.bratishka.ru/archiv/2009/4/2009_4_9.php (дата обращения 20.05.2015).

Новосельцева В. М. Отчет об археологических раскопках старожильческого поселения Деревня Ёдарма в Усть-Илимском районе Иркутской области в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2011 году / В. М. Новосельцева. – Новосибирск, 2012. – Т. 1. – 37 с.

Новосельцева В. М. Отчет об археологических раскопках стоянок Усть-Кеуль I, Деревня Кеуль (зона затопления Богучанской ГЭС) в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2012 году / В. М. Новосельцева. – Новосибирск, 2013. – Т. 1. – 103 с.

Овсянников О. В. О керамике древней Мангазеи / О. В. Овсянников // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М. : Наука, 1973. – С. 269–272.

Одинцова М. К. Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири (XVII век) / М. К. Одинцова. – Иркутск, 1958. – 59 с.

Окладников А. П. Прошлое Приангарья в свете археологии (в связи с археологическими работами на строительстве ангарских гидроэлектростанций) / А. П. Окладников // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1971. – Ч. 1 : Приангарье. – С. 7–27.

Ополовников А. В. Земля Иркутская, деревянная... / А. В. Ополовников, Е. А. Ополовникова. – М. : ОПОЛО, 2004. – 536 с.

Постнов А. В. Исследования стояночного комплекса Усть-Ката-2 в Северном Приангарье в 2012 году / А. В. Постнов, А. В. Выборнов, Б. П. Яровой // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 470–472.

Результаты спасательных работ на местонахождениях Усть-Ёдарма I–III в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2010 году / Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, Г. И. Медведев, В. М. Новосельцева, Е. О. Роговской // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 538–541.

Русакова Л. М. Традиции и новации в строительстве жилого комплекса у русских крестьян Сибири / Л. М. Русакова // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1982. – № 1, вып. 1. – С. 125–132.

Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.) / Л. М. Сабурова. – Л. : Наука, 1967. – 280 с.

Сабурова Л. М. Русское население Приангарья / Л. М. Сабурова // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1971. – Ч. 1: Приангарье. – С. 28–77.

Сабурова Л. М. О картографировании материальной культуры русского населения Сибири / Л. М. Сабурова // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. – Л. : Наука, 1974. – С. 227–233.

Сытин Л. Е. Всё об огнестрельном оружии / Л. Е. Сытин. – М. : Астрель; СПб. : Полигон, 2012. – 640 с.

Федотов Г. Деревянная архитектура. Способы рубки сруба [Электронный ресурс] // Юный техник для умелых рук. – 1985. – № 8, 9. – URL: <http://www.liveinternet.ru/users/2930900/post120255486> (дата обращения 15.04.2015).

Ходосевич С. С. О ножах железного века из археологических местонахождений Северного Приангарья / С. С. Ходосевич, Е. В. Меньшагин // Археология, этнография, палеоэкология Северной Азии: проблемы, поиск, открытия. – Красноярск : КГПУ, 2011. – С. 192–194.

Чертилов А. Объекты народного деревянного зодчества в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Иркутская область, Усть-Илимский район, деревня Ёдарма [Электронный ресурс] // Проект Байкал. – 2012. – № 31. – URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/14588.html> (дата обращения 22.01.2015).

Чешкова Л. Над рекой хор деревень / Л. Чешкова // Вокруг света. – 1977. – № 8. – С. 3–9.

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск, 2001. – Т. 1. – 604 с.

Lokhov D. New date from Kata-Yodarma region of the Northern Angara basin / D. Lokhov // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. – Tokyo : Keio University, 2010. – P. 71–76.

Russian Old Settlement Yodarma Village (Results of Rescue Operations in the Flood Zone of the Boguchanskaya HPP)

D. N. Lokhov, E. A. Lipnina, S. P. Dudaryok

Abstract. The first Russian explorers started to develop the territory of the Lower (Northern) Angara region in the early XVII century. It were some features in the exploring of this region – geographical location, climate conditions, topography and landscape, and the socio-economic and demographic situation. All these factors influenced the formation and development of the Russian old resident population. Throughout every period of development of the region was formed a unique type of a residential complex, which is based on the construction practices that are inherent to the Russian North. In 2009–2012 the rescue operations were conducted in the flood zone of the Boguchanskaya HPP – at the objects of archaeological heritage Ust-Yodarma II and Yodarma Village containing the remains of the material culture of the period when the Russians started to explore the region. As a result of fieldwork it were discovered the remains of 37 wooden constructions for various household purposes of the

XVIII–XX centuries as well as a large number of accompanying archaeological material of this period.

Keywords: the Lower (Northern) Angara region, Russian old settlement, architecture, wooden constructions, material culture, household buildings.

Лохов Дмитрий Николаевич

научный сотрудник, научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: bisaagan@yandex.ru

Lokhov Dmitry Nikolaevich

Researcher, Scientific Research Center «Baikal region»
Irkutsk State University
Irkutsk Laboratory of Archeology and Paleoecology IAE SB RAS
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: bisaagan@yandex.ru

Липнина Екатерина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира
Иркутский государственный университет
Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: ekaterinalipnina@mail.ru

Lipnina Ekaterina Anatolievna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of Archaeology, Ethnology, Ancient History
Irkutsk State University
Irkutsk Laboratory of Archeology and Paleoecology IAE SB RAS
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: ekaterinalipnina@mail.ru

Дударёк Сергей Павлович

стажер-исследователь, научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dudareks@mail.ru

Dudaryok Sergei Pavlovich

Trainee Researcher, Scientific Research Center «Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: dudareks@mail.ru